

Роман Злотников,
Сергей Мусаниф

**МАНЁВРЫ
НЕУДАЧНИКОВ**

Москва
T8 RUGRAM
2018

УДК 82-312.9

ББК 83.3(2Рос=Рус)

3-68

Миры Романа Злотникова

Злотников, Р.В.

3-68 Манёвры неудачников/ Р.В. Злотников, С.С. Мусаниф – М. : Т8
Издательские технологии / RUGRAM, 2018. – 318 с. – (Вселенная
неудачников).

ISBN 978-5-517-00013-2

Как известно, главное на войне – это маневры, и хотя война во Вселенной неудачников еще толком не началась, манёвры уже идут вовсю. На границе исследованного сектора космоса происходит инцидент, способный стать поводом для военного столкновения между Империей и Альянсом, и Алекс, случайно оказавшийся в центре событий, делает всё для того, чтобы не допустить подобного сценария. Однако ему предстоит узнать, что помимо трёх населяющих галактику рас в конфликте заинтересована четвёртая сторона и противостоять ей.

УДК 82-312.9

ББК 83.3(2Рос=Рус)

BIC FLC

BISAC FIC009000

ISBN 978-5-517-00013-2

© Роман Злотников, 2010

© Т8 RUGRAM, оформление, 2018

ПРОЛОГ

Это был чертовски подходящий момент для того, чтобы задуматься о загробной жизни. Момент, когда человек отчетливо понимает, что минуты его сочтены, трепыхаться бесполезно, ибо предпринять он уже ничего не может, но время перед тем, как его глаза навсегда закроются, еще есть.

Совсем немного времени.

Двенадцать минут, если верить показаниям дисплея, выведенного на лицевой щиток боевого скафандра. Ну или сколько там еще времени требуется, чтобы человек умер от удушья.

Жизнь — чертовски забавная штука.

Если бы несколько лет назад кто-нибудь сказал мне, что я умру именно так... Впрочем, если бы несколько лет назад кто-нибудь сказал мне, что я умру не на Земле, а на другой планете, я бы уже не поверил, вне зависимости от прочих обстоятельств сего печального для меня события.

И хотя университетские друзья часто предупреждали, что смерть моя будет насильственной, я долгое время считал, что мне таки удастся умереть от старости.

Однако последние годы жизни разбили эту мою уверенность и вообще многое поменялось.

Одиннадцать минут.

Сервоприводы скафандра еле двигаются. Энергоблок зацепило гранатой, и скоро самая совершенная в исследованном секторе космоса силовая броня превратится в уютный гроб, выполненный в форме человеческого тела. Что ж, свою основную функцию – сеять смерть и разрушение – силовая броня выполнила. Дополнительную сохранить жизнь ее обладателю – почти до конца. Бой я все равно выиграл. Конечно, учитывая обстоятельства, это очень слабое утешение, но лучше уж такое, чем никакого вообще.

Десять минут.

Древние скандинавы верили, что воинов, павших на поле брани, ожидает Валгалла, вечная пирушка в чертогах Одина. Жратва, выпивка, метание топоров и прочие молодецкие забавы. Интересно, валькирии прилетают за павшими на другие планеты или их поле деятельности ограничено только родной планетой человечества? Если бы я был скандинавом и верил во всю эту чушь, явились бы за мной громкоголосые девицы, скачущие на белогривых лошадках?

Жаль, что здесь про них уже почти никто не помнит. Суровая скандинавская религия пришлась бы весьма по вкусу всем трем расам, населяющим исследованную часть космоса и ожидающую Рагнарек. Хотя говорят, что скаари и так верят во что-то эсхатологическое.

Девять минут.

Сдыхающие датчики движения засекли какое-то шевеление. Кто-то недобитый пытался выбраться из-под обломков, и мне пришлось истратить на него еще один заряд встроенного в левый рукав брони плазмогана. Больше под кучей расплавленного строительного пластика никто не шевелился.

Это уже рефлекс.

Никогда не оставляй за своей спиной живых врагов. Вбито в мозг до такой степени, что работает даже тогда, когда и от самой твоей жизни осталось всего ничего.

Азим был бы мною доволен. Я думаю, в итоге он и будет мною доволен, обнаружив меня среди мертвых тел и руин вражеских построек.

Красиво ушел, скажет он. Или еще что-то в том же духе.
Восемь минут.

Не знаю, как сейчас, но когда-то было принято считать, что значимость человека определяется количеством людей, пришедших на его похороны. Не думаю, что ритуал с моим участием мог бы собрать много народа. А если еще учесть, что многие мои знакомые разбросаны по разным планетам галактики, зрелище обещает быть еще более унылым.

Больше всех расстроится генерал Визерс, ему эти похороны обломают до сих пор непонятные мне планы, которые он строил вокруг моей персоны. Этот человек постоянно и так искусно врал, что я в конце концов перестал понимать, чего ему вообще нужно и на чьей он стороне. Впрочем, почему перестал? Я никогда и не понимал этого, хотя пару раз у меня некоторое время присутствовали иллюзии, что я начал что-то понимать...

Самое поганое, что моей стороны в этом дурацком конфликте вообще нет. Чужая война, чужие интересы. Я так до конца и не смог убедить себя, что являюсь частью местного человечества, точнее, того, в кого это человечество превратилось. Тысяча с лишним лет эволюции прошли мимо меня, но они не прошли даром для моих драгоценных потомков. Что для основной ветви развития, что для побочной.

Семь минут.

Есть еще небольшой шанс на спасение, но я стараюсь о нем не думать. То ли потому, что боюсь сглазить, то ли для того, чтобы не испортить себе последние минуты ложными надеждами.

Там, на низкой орбите, находится космический корабль, с которого я и высадился. На его борту сам Азим, великий и ужасный, следит за моей телеметрией в режи-

ме реального времени, и он уже знает, что боевой скафандр получил повреждения, почти несовместимые с жизнью владельца.

Есть небольшой шанс, что он успеет пробиться через верхние слои атмосферы и совершив посадку до того, как мой мозг умрет от кислородного голодания. Шанс этот мизерный, но, поскольку он есть, я предпочту не снимать скафандр и медленно в нем задохнуться. Местная атмосфера убивает гораздо быстрее, хотя и вряд ли менее болезненно.

Шесть минут.

В этом вся беда «условно пригодных для жизни» планет. Человек становится слишком зависим от собственной техники. Любой сбой в работе жизнеобеспечивающего оборудования может привести к летальному исходу. Пробой жилого купола, неполадки с рециркулятором или банальный отказ респиратора.

Все системы продублированы, и некоторые даже не по одному разу, но идеальную защиту от дурака или форс-мажора изобрести так никому и не удалось. А кумулятивная граната, взрывающаяся прямо за твоей спиной, — это самый форс-мажор и есть. Если бы не скафандр, я бы уже был распылен по атмосфере в виде свободно перемещающихся атомов.

В космосе человек тоже зависит от собственной техники, но по своему опыту мне удалось узнать, что в космосе люди и не расслабляются так, как на планетах. Даже если никогда не смотреть в иллюминаторы, невозможно забыть про бесконечную пустоту, окружающую тебя со всех сторон, и даже бронированный борт самого современного линкора не кажется тебе достаточно защищенный от этой пустоты, вечной, безразличной, сводящей с ума и убивающей. Космос враждебен по умолчанию, а к любой из планет человек рано или поздно привыкает.

И потому планеты, без всяких ограничений пригодные для жизни, ценятся так дорого. Ну и еще потому, что их не так уж много.

Последние годы в воздухе чаще других витает одна фраза: «Галактики не хватит на всех».

Скоро ею можно будет оправдывать любые зверства и преступления, вплоть до геноцида. Впрочем, геноцид уже запланирован, и вычеркнуть его из плана пока не удалось даже Визерсу.

Пять минут.

Я лег на спину. Совсем не потому, что мне хотелось перед смертью увидеть небо – этот вид никогда не был для меня приоритетным, да и затянутое красными облаками небо чужой планеты меня не особенно впечатляло. И не потому, что надеялся рассмотреть точку корабля Азима, пикирующую прямо на меня, как доблестная американская кавалерия, спасающая осажденных в форте героев в самый последний момент. Просто когда сервоприводы брони окончательно откажут и скафандр превратится в неподвижную оболочку, в которой я буду заперт, и максимум движений, на который я могу рассчитывать, – это шевеление кончиками пальцев, телу должно быть достаточно комфортно.

Четыре минуты.

Забавно, а я ведь даже не ранен.

Десятки трупов и сотни квадратных метров выжженной земли являются делом моих рук, а на мне нет даже царапинки. То ли в везении дело, то ли в моем чувстве опасности, а может быть, это исключительно заслуга моего костюма. Когда энергоблок скафандра превратился в хлам, я почувствовал лишь легкий толчок в спину. Боевая броня «Черных драконов», элитного подразделения левантийского спецназа, весит полторы тонны и позволяет творить немыслимые для гражданского человека вещи. Те, которые я творил здесь еще пятнадцать минут назад, и еще пара десятков фокусов в запасе. Только вот когда у нее садятся батарейки, она превращается в гроб. Полуторонный и неподвижный.

Вы пробовали сдвинуть с места полторы тонны, находясь под ними? Результат представляете? И я представляю.

Совершенно никакого результата. Три минуты.

Хоть бы этот чертов дисплей сдох первым. Не самое приятное – видеть прямо перед глазами цифры, отсчитывающие последние секунды твоей жизни, и видеть, как быстро эти секунды истекают. Но и выключать его я не хочу. Вот если бы он вырубился сам...

А вообще, я довольно неплохо держусь. Я думал, будет хуже. А тут ни слез, ни истерики, и даже паники особой нет. Значит ли это, что я уже смирился со своей гибелью и теперь мне все равно, или же, наоборот, в глубине души я уверен, что Азим успеет и это еще не конец?

Или все еще действует введенный в кровь боевой коктейль?

Черт его знает.

А в какие-то моменты я уже ловил себя на том, что не особенно верю в происходящее. Скачок на полторы тысячи лет вперед не мог не оставить в моем разуме вообще никаких следов.

Две минуты.

Ладно, Леха, признаем честно. Карьера звездного десантника – это не совсем то, о чем ты мечтал всю свою жизнь, но, с другой стороны, большим везением можно считать уже то, что ты дожил до этого вот момента. За последние четыре года смерть являла тебе свой злорадный оскал уже не единожды, и тебе каждый раз удавалось от нее ускользнуть. Итог закономерен, рано или поздно это должно было случиться.

Жалеешь ли ты о том, что согласился тогда на эту курортную поездку в Белиз? Вот только честно, заглянув в глубину своей души и положа руку на сердце, фигурально, потому что сейчас тебе лучше вообще не двигаться.

Черта с два ты жалеешь.

Несколько лет насыщенной жизни или несколько десятилетий медленного и скучного увядания, что бы ты выбрал тогда, если бы заранее знал, к чему тебя приведет это путешествие в тропики?

Ответ достаточно прост, и жалеть, по большому счету, не о чем. В той, прошлой жизни Алексею Каменскому в общем-то ничего не светило. А здесь у него был шанс.

И ерунда, что не срослось. Многие мечтали бы о такой возможности.

Одна минута.

Мыслей в голове уже не осталось, глаза следят за неминуемым отсчетом последних секунд. Тридцать четыре. Тридцать три. Вот она, истинная магия цифр.

Когда следишь за закачками из Интернета, то смотришь на этот обратный отсчет и хочешь, чтобы цифры сменяли друг друга как можно быстрее. Сейчас же хочется, чтобы время пошло вспять.

Но такого не бывает даже тут. В мире, где есть галактические перелеты, машины времени и звездные десантники.

Четыре, три, две, одна, ноль.

Экран погас, и я оказался в абсолютной темноте. Это логично и закономерно, ибо теперь скафандр окончательно превратился в гроб, и даже вылезти из него уже нет никакой возможности.

Какие там первые признаки кислородного голодания?

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МЕЛКИЕ НЕПРИЯТНОСТИ И БОЛЬШИЕ РАСКЛАДЫ

– ГЛАВА 1 –

Когда я приперся на свое рабочее место, у меня все еще было похмелье.

Правильное такое похмелье. Правильное похмелье — это не столько состояние твоего измученного организма, сколько состояние души. Хотя и организму тоже достается, конечно.

Мое похмелье было чудовищным.

Тело ныло словно после трехдневного непрерывного загула в квартале красных фонарей на Леванте или после ночного марш-броска в полной боевой выкладке при отключенных сервоприводах, что по нагрузкам на организм примерно одинаково. Голова раскалывалась, будто ее обрабатывали кувалдой трое портовых грузчиков, восполнивших отсутствие специальных навыков общей физической подготовкой и обладающих немереным энтузиазмом. Несмотря на принятые с утра душ и специальные таблетки, к началу рабочего дня мне все еще было нехорошо, и я старался перемещаться в пространстве со всей возможной аккуратностью, чтобы от резких движений мои глаза не выпали из глазниц и не растеклись по полу.